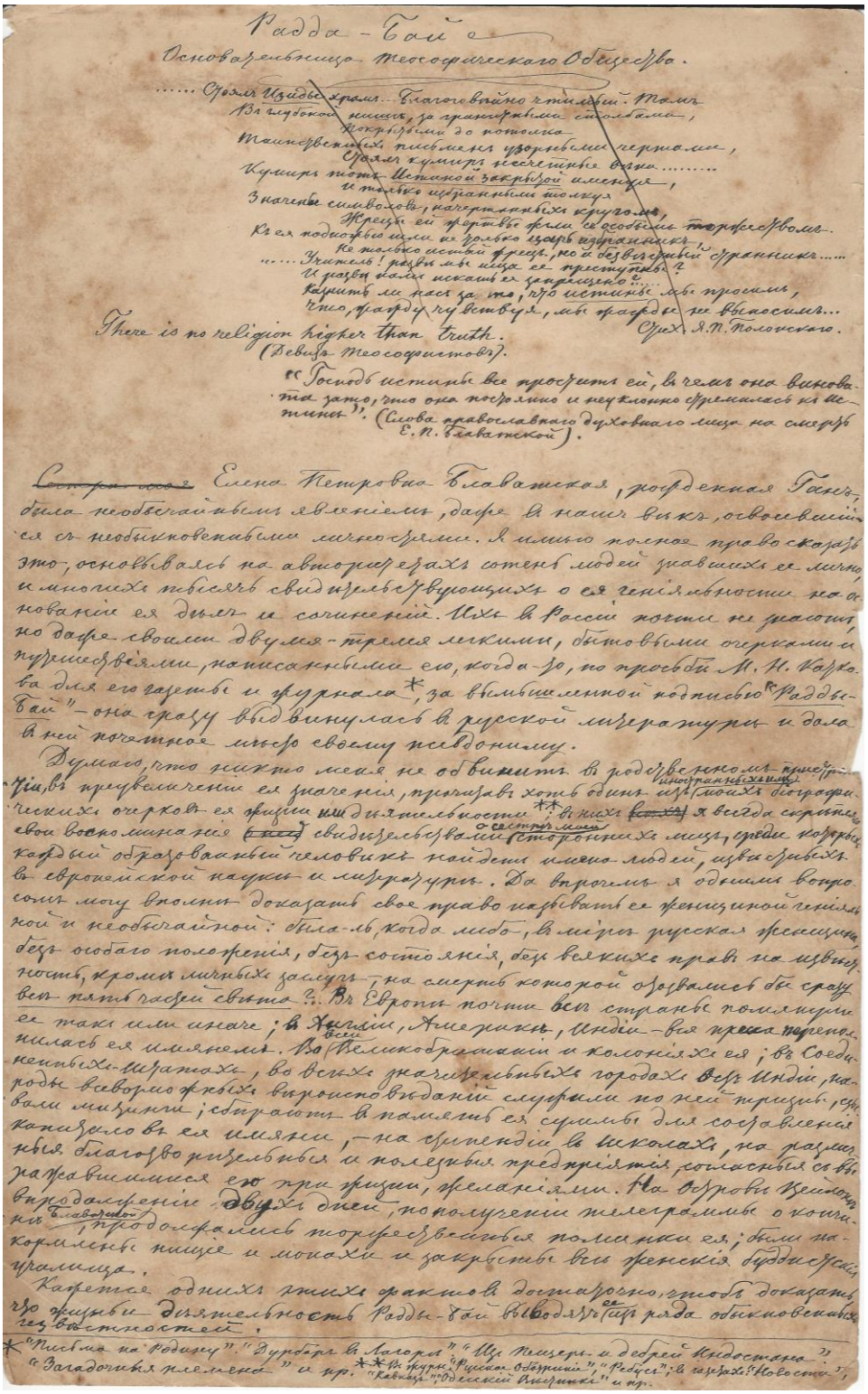
История создания очерка В.П.Желиховской «Радда-Бай – основательница Теософического общества»



Радда-Бай

Основательница Теософического Общества.

..... Уронив изящные храма... благоговейно чтимый... Тамч
В глубокой нише, за гранитными столбами,
покрытыми до потолка
тончайшими письменами узорными черными,
Урочая кумирс несчетные века .....
Кумира тот... истинной закрытой имеющая,
и только избранными толпу
Значенье символов, начертанных кругом,
Жрецы ей тратят время с особым торжеством.
Кто ей подвластью шли не только царь избранных,
Не только истый брегн, но и безвестный странник .....
..... Учитель! разве мы лица ее преступим?
И разве вам искать ее заветного?
Карить ли нас за то, что истине мы просим,
что, фарфор чувствуя, мы фарфор не высасим...
Сурх. Я.П. Полонского.

There is no religion higher than truth.
(Девиз Теософистов).

"Господь истины все простит ей, вначале она виновата за то, что она последовательно и неуклонно стремилась к истине". (Слова православного духовного лица на смерть Е.П. Блаватской).

Сестра моя Елена Петровна Блаватская, рожденная Гань, была необыкновенным явлением, даже в наш век, освоившийся с необыкновенностями личностями. Я имею полное право сказать это, основываясь на автографах сотен людей знавших ее лично, и многих тысяч свидетельствующих о ее гениальности на основании ее книг и сочинений. Их в России почти не знают, но даже своими двумя-тремя легкими, бытовыми очерками и путешествиями, написанными ею, когда-то, по просьбе М.Н. Каткова для его газеты и журнала *, за выбранной подписью "Радда-Бай" – она сразу выдвинулась в русской литературе и дала в ней почетное место своему псевдониму.

Думаю, что никто меня не обвинит в преувеличении (иностранцы) ее значения, прочитав хоть одно из моих географических очерков – ее яркой и (многосторонней) деятельности. ** В них я всегда старалась свои воспоминания свидетельствовать о сестре моей, среди которых каждый образованный человек найдет имена людей, известных в европейской науке и литературе. Да впрочем я одним вопросом могу вполне доказать свое право гордиться ее гениальной и необычайной: была ли, когда либо, в мире русская женщина без особого положения, без состояния, без великих прав на известность, кроме личных заслуг – на смерть которой откликнулся бы сразу весь пять частей света?.. В Европе почти все страны поклонялись ей так или иначе; в Англии, Америке, Индии – вся пресса преклонилась ее именем. Во всей Великобритании и колониях ее; в Соединенных Штатах, во всех значительных городах всех Индии, народы всевозможных вероисповеданий служили по ней панихиды, сбирают в память ее сумму для сооружения памятника ее имени, – на стипендии в школах, на различные благотворительные и полезные предприятия, согласные с теми, которые она при жизни желала. На вторые сутки после получения двух дней, по получении телеграммы о кончине Блаватской, продолжались торжественные поминки ее; были накормлены нищие и монахи и закрыты все женские буддийские училища.

Каретное одних этих фактов достаточно, чтобы доказать, что жизнь и деятельность Радды-Бай выводят ее из ряда обыкновенных известностей.

* "Письма на родину". "Дурбар в Лагора" "Из Тибета и Северной Индостана" "Загадочные племена" и пр.

** В "Русск. Обозрении", "Вестн. Европы", "Русск. Мысли", "Новости", "Кавказ", "Одесский Листок" и пр.

Наиболее известное произведение писательницы Веры Петровны Желиховской (1835–1896) о своей знаменитой сестре, ученом, философе, создателе Международного теософского общества Е.П.Блаватской под названием «Радда-Бай» было напечатано в 1893 году в сборнике, состоявшем из двух повестей Елены Петровны «Загадочные племена на “Голубых горах”» и «Дурбар в

Лагоре»[1]. Сейчас можно сказать, что очерк «Радда-Бай» был краткой версией более обширного материала – «Радда-Бай – основательница Теософического общества», который хранится в архиве Теософского общества в Адьяре (Индия). Этот материал Желиховская готовила для публикации в журнале «Русский архив». Она познакомилась с издателем журнала П.И.Бартеневым в начале 1891 года. В разговоре с ней он заинтересовался Блаватской. Вера Петровна сообщила об этой встрече тете Н.А.Фадеевой в письме от 22–25 января:

«Москва. Гост[иница] *Франция*.
22 янв[аря] 1891.

<…> Сейчас у меня сидел старик Бартенев. Я вчера у него была, но не застала. Он явился сам, как говорит, “иметь честь со мной познайомиться[2]”. Он *все записки печатает*[3], вот молодец! Кажется с марта *непременно*, а может быть и с февраля успеет. Отдал уже в набор. Очень я рада и жалею, что возилась с этими ослами Семевским и Шубинским. <…>

Станция Николаевской
жел[езной] дор[оги].
24 янв[аря]. 2 часа.

Вчера прерванное письмо продолжаю, так как заранее выбралась из гостиницы, чтоб не платить за сутки лишние. Бартенев, толстый, хроменький старикашка, мне очень понравился; сидел битый час и все расспрашивал обо всех и о Ел[ене] Петр[овне] преимущественно»[4].

Через несколько месяцев после смерти сестры В.П.Желиховская обратилась к П.И.Бартеневу и редактору журнала «Русское обозрение» Д.Н.Цертелеву с предложением написать биографические очерки о Е.П.Блаватской. Об этом мы может узнать из ее письма к Цертелеву:

«С.П[етер]бург. Шпалерная, 50.
27 августа.
1891.

Многоуважаемый князь
Дмитрий Николаевич.

Я собрала множество материалов для биографии и в особенности для *оценки сочинений моей сестры*. Но дело в том, что боюсь я как бы не потерять мне слишком много труда и времени – даром! Все мы с Вами не сходимся: пожалуй, не понравится Вам и моя статья о ней, а ведь я, к несчастию, не имею права бесплодно тратить свой труд!

Хотелось бы, по возможности, определить смысл и размер статьи, которую Вы желали бы принять в *Обозрение*. Сделайте одолжение, облегчите мне задачу ответом на следующие вопросы:

1) Желаете ли Вы, чтоб речь шла более *о ней*, о ее личности или о деятельности?

2) Быть может, лучше обратить больше внимания *на книги ее*?

NB. 3) Какого размера *не* должна превышать о ней статья?

Дело в том, что меня просил Бартенев тоже о ней написать; так можно было бы разделить темы: ему дать очерки ее личности и деятельности собственно как русской замечательной

[1] См.: *Желиховская В.П.* Радда-Бай. Биографический очерк // *Блаватская Е.П.* Загадочные племена на «Голубых горах». Дурбар в Лагоре. – СПб.: Издание книгопродавца В.И.Губинского, 1893. Книга поступила в продажу 29 марта – 3 апреля 1893 года по цене 1 руб. 75 коп. (см.: Новое время, 1893, № 6141, 5 апреля).

[2] познакомиться (*укр.*).

[3] Речь идет о «Воспоминаниях» А.М.Фадеева, которые были напечатаны в «Русском архиве» в 1891 году (№2–5, 9–12).

[4] *Желиховская В.П.* Письма (1878–1896) // https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html.

женщины, а Вам в *Обозрение* доставить более обстоятельную оценку трудов ее (не мою, разумеется, а людей более или менее авторитетных).

Или Вы желали бы, может быть, не разбор ее книг и деятельности, а легкий, графический, так сказать, очерк ее деятельности и Об[щест]ва в Лондоне – каким оно *мне*, русской православной женщине, представлялось?

О ней ведь можно написать массу самых разнородных очерков и серьезных статей. Особенно много о ней самой и о сочинениях ее отзывов теперь появилось в англ[ийских] и америк[анских] журналах.

Пожалуйста, определите, насколько возможно. <…>

Готовая к услугам,

В.Желиховская»[5].

Биографический очерк для «Русского обозрения» был написан быстро и под названием «Елена Петровна Блаватская» опубликован уже в ноябрьском и декабрьском номерах журнала за 1891 год. С материалом для «Русского архива» дело обстояло сложнее. Это показывает переписка В.П.Желиховской с П.И.Бартеневым.

1

«14 окт[ября] 1891.

Милостивый государь.

Тетка моя, Н.А.Фадеева, пишет мне о Вашем желании, впрочем, Вами лично выраженном мне еще при жизни сестры моей Е.П.Блаватской, иметь ее биографию.

К несчастию, дело в том, что я живу и *содержу семью* своей работой… Потому Вы, конечно, не поставите мне в вину, что я приняла предложение, сделанное мне тотчас по кончине ее кн[язем] Цертелевым, написать эту биографию… Я тогда же думала о Вас, но, зная Ваши гонорары, *должна была* предпочесть *Русск[ое] обозрение*, платящее втрое больше. Вы простите мне мою откровенность? Имей я средства, конечно, не думала бы я о выгоде, особенно *в таком* труде.

Но вот в чем дело: матерьялов, по моему кличу, прислано мне из Индии, Америки, Англии и Парижа такая *масса*, что их, без повторений, хватит на три таких биографии (в размере двух, трех № *Рус[ского] обозр[ения]*), какие просит кн[язь] Цертелев. Кроме того, раз разобрав всю массу данных статей и писем, мне теперь несравненно легче о ней писать – вся трудная, черная работа сделана. Ц[ертелев] взял уже начало; я кончаю дело *для него* и все время жалею, что такое множество интересных эпизодов ее жизни и отзывов о ней – пропадает!.. Подумайте: я должна была выпустить почти все, что видела и узнала сама, живя с ней по месяцам за границей; оставила ее собствен[ные] статьи, как “My Books”, “Recent Progress in Theosophy” и пр., нетронутыми; кроме того, тетка моя, Н[адежда] А[ндреевна], еще предлагает мне всю корреспонденцию сестры моей к ней, начиная с [18]75 года – именно год, когда она основала Т[еософическое] Об[щест]во.

Вследствие этого я смело могу предложить Вам написать и для *Архива* обстоятельную статью, где главные черты ее и движения сохранятся вполне, а интересные *подробности* я почерпну из совершенно других источников.

Если Вам будет угодно согласиться на мои предложения, будьте добры, сообщите мне Ваши с обозначением максимума Вашей платы с печатного листа, и я тотчас примусь за работу с величайшим удовольствием.

Готовая к услугам и искренно Вас уважающая

В.Желиховская.

С.П[ете]рб[у]рг.
Шпалерная ул. 50».

[5] *Желиховская В.П.* Письма (1878–1896) // https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html.

2

«[Ноябрь-декабрь 1891 г.
Петербург].

Милостивый государь.

Я никак не могу понять, что именно Вы говорите о 2-х листах? Если *вся* биография, по-Вашему, не должна превышать двух листов, то что же я могу в ней высказать?! Я нескольких слов не могу взяться писать о жизни, о которой *можно* написать тома.

Я посылаю Вам написанное мной; это должно составить *треть* всей биографии в том размере, какой я предполагала. Потрудитесь сообщить, согласитесь Вы на такой размер? Конечно, я могу сократить последующее наполовину, но тогда придется мало давать ее оригинальных писем, ведь они-то и растягивают рассказ, а Вы между тем их у меня просите. Как же тут быть?

О феноменах я и то упоминаю вскользь, sans préciser[6]. Но если Вы найдете и те немногие, на которых я останавливаюсь, лишними – описания их я согласна выключить и даже в рукописи означила такие параграфы карандашом крупными вопросительными знаками.

Но кроме означенных мест выпускать нечего.

В продолжение же, в жизни сестры в Англии – феноменов почти и нет. Только музыкальные да ясновидения. В Париже, впрочем, были при мне и Надежде Андреевне удивительные вещи, но я могу пройти их вскользь.

Буду ждать ответа Вашего для продолжения работы.

Готовая к услугам Вашим

В.Желиховская».

3

«[Ноябрь-декабрь 1891 г.
Петербург].

Милостивый государь
Петр Николаевич[7],

Не вижу, *почему* (зная теперь мою манеру писать и степень интереса моей передачи жизни моей сестры) *Вы не можете* сказать прямо: готовы ли Вы поместить в журнале Вашем еще столько же текста ее биографии или нет? Я со своей стороны *не могу продолжать писать* биографии не имея ответа на этот вопрос, потому что именно должна с тем сообразоваться.

Скажите прямо: готовы ли Вы поместить таких (то есть не меньшего интереса) страниц *такое-то* количество, а именно: *до 150*, или только *до 100*, или даже до 200 счетом, и, *сообразуясь с Вашим ответом*, я буду включать *столько же*, или *менее, или более* ее писем.

Эти письма слишком ценный матерьял. Я всегда найду им место в других журналах, но повторяю: обещав Вам ее полную биографию, я готова ее написать в размере *хотя бы* до 200 страниц, с включени[ем] писем сестры, круглым счетом за предлагаемую Вами цену 30 руб[лей] с листа печатного, то есть с 35000 букв.

Раз согласившись на такой микроскопический гонорар, я напишу статью с таким же вниманием и любовью (тем более о сестре!), как пишу и для тех, которые мне платят 200 руб[лей] с листа. В этом Вы можете быть уверены. Одно мне надо знать – *размер*.

Потрудитесь еще объяснить: к чему относится Ваше уверение, что Вы *"не"* руководимы желанием *"меньше"* заплатить. Мне об этом и в голову не приходило… Разве можно заплатить

[6] без подробностей (*фр.*).
[7] Так в тексте.

еще меньше?.. Сколько будет печатных листов моей статьи о Е.П.Блаватской в *Архиве*, столько раз Вы заплатите мне по 30 р[ублей] – вот и все. Не правда ли? Моих страниц обыкновенно в печатном листе вмещается от 10 до 12.

Письмо *печатное* на смерть Каткова Вы можете получить в конторе *Моск[овских] вед[омостей],* но у меня есть *превосходное* письмо ее по тому же поводу, в печати не бывшее. Если Вы возьмете поместить не менее 100 моих страниц, то я включу и его, и несколько других.

Портрет ее я тоже могу Вам прислать хороший, еще никем не изданный, но только на время – *одолжить* с тем, чтобы Вы мне его назад отослали.

Буду ждать ответа решительного, как я и раньше спрашивала касательно *крайнего числа* страниц, до которого могу довести биографию.

Готовая к услугам

В.Желиховская».

4

«[Конец января – начало февраля 1892 г.
Петербург].

Милостивый государь,
Петр Иванович.

Простите меня, ради Бога, что так долго держала Вас без извещения, и сознаюсь: до вчерашнего дня *не* принималась за биографию сестры. К этому была важная причина: я ждала, *чем* разразится г. Вс. Соловьев в своей диффамационной статье на мою сестру и меня – рикошетом. Теперь, дождавшись *Р[усского] вестн[ика]* и убедившись, что он не постоял на обвинениях, измышленных собственным воображением[8], я чувствую себя как бы с развязанными руками и могу сделать статью для *Архива* еще интереснее. Дело в том, что зная, как он круто из пламенного теософа и еще более пламенного друга сестры моей обратился во врага их, не желая без нужды раздражать его, я в *Р[усском] обозр[ении]* не помянула даже его имени. Теперь он сам развязал мне руки: стол мой ломится от *его* писем и статей к сестре моей и *о* ней, где он диаметрально противоречит нынешним ироническим показаниям своим и весьма интересно расписывает ее заслуги и свои отношения к ней[9].

Я, разумеется, не помяну ни слова, которого не могла бы доказать документами, которые готова показать и Вам, но очень рада, что могу говорить свободно.

Я именно остановилась на пребывании нашем (моем и его) у нее в Париже и теперь продолжаю. Недели через три надеюсь прислать Вам *все*.

Готовая к услугам,

В.Желиховская.

P.S. Если б Вы были так добры: хоть раз помянули свое *отчество*? А то я плету ощупью, то Николаич, то Иваныч.

Прочтите, пожалуйста!»[10].

Материал «Радда-Бай – основательница Теософического общества» был В.П.Желиховской закончен в течение февраля 1892 года, но в журнале «Русский архив» так и не появился. П.И.Бартенев вспоминал: «Желиховская желала поместить в “Русском архиве” большую

[8] См.: *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды // Русский вестник, 1892, №2.

[9] См.: *Желиховская В.П.* Е.П.Блаватская и современный жрец истины. Ответ г-жи Игрек (В.П.Желиховской) г-ну Всеволоду Соловьеву. СПб., 1893; *Тюриков А.Д.* Клеветническая кампания Всеволода Соловьева против Е.П.Блаватской в 1886 году. Хмельницкий, 2020.

[10] *Желиховская В.П.* Письма (1878–1896) // https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html.

биографию сестры, но я отказался»[11]. Можно с уверенностью сказать, что Бартенев поверил измышлениям Вс. Соловьева, которые в это время начали печататься в «Русском вестнике», и не осмелился представить читателям другую точку зрения. Из этой «большой биографии» Вера Петровна подготовила очерк меньшего объема, изданный через год.

В январе 1893 года Вера Джонстон, дочь В.П.Желиховской, проживавшая в Лондоне, попросила мать выслать «статью, написанную для "Русского архива"», чтобы из нее перевести на английский язык многочисленные фрагменты из писем Е.П.Блаватской:

«Был у меня Herbert Barrows на днях (ты его помнишь? он вам билет в Бот[анический] сад давал); я ему рассказывала кое-что из твоей статьи о тете в *Р[усском] об[озрении]*. Он очень заинтересовался и стал просить, чтобы я вместе с ним кое-что перевела, т.е. я диктовать, а он писать приличным анг[лийским] языком, как мы раз уж с ним делали для сентяб[рьского] *Люсифер*'а[12]. Это мне, конечно, гораздо легче. И его просьба дала мне мысль попросить у тебя статью, что ты писала для *Р[усского] а[рхива]*. Помнится, ты говорила, что она целиком составлена из ее писем. Barrows уверяет, что здесь это будет хорошо продаваться. Или просто ее письма пришли, которые считаешь замечательными»; «Кроме того та работа с тетиными письмами, о которой я тебе писала, что Herbert Barrows предлагает сделать вместе, тоже очень привлекает меня. Пожалуйста, пришли мне твою рукопись, от которой *Рус[ский] ар[хив]* отказался, или же просто тетины письма, которые находишь поинтереснее»[13].

Рукопись была выслана, но не полностью. Вера Джонстон сообщила об этом 1/13 марта 1893 года:

«Мамочка, так, право, жаль, в твоей рукописи о тете недостает страниц 19, 28, 29, 35, 40, 61, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, итого двадцати страниц. Поищи, не остались ли они у тебя. Не может быть, чтобы они были затеряны здесь, потому что я только что распаковала посылку и сейчас же заметила. Все, что ты пишешь в этой статье ужасно интересно. Переводя, я не стану придерживаться только рукописи, а буду вставлять и из того, что было в *Рус[ском] об[озрении]*»[14].

Затем почти все отсутствующие листы были досланы. На сегодняшний день в рукописи, состоящей из 125 листов[15], отсутствует 35-й лист. Перед отсылкой Вера Петровна еще раз вычитала текст рукописи и вписала в нее свои вопросы к дочери по поводу некоторых событий, отраженных в очерке[16].

Но издание писем Е.П.Блаватской, задуманное для «Люцифера» Г.Барроузом и В.Джонстон, не состоялось. Однако осенью 1894 года У.Джадж предложил Вере Владимировне напечатать эти письма в нью-йоркском теософском журнале «The Path». Она писала матери 1 октября:

«У меня столько дел, что хоть разорвись. Получили письмо сегодня, в котором предлагается мне 25 ф[унтов] за отрывки тетиных писем, все, какие только найдутся. В твоей ненапечатанной ее биографии их множество. Думаю, что немедленно придется засесть за них»[17].

---

[11] *Бартенев П.И.* Из записной книжки «Русского архива» // Русский архив, 1912, №12. С. 550.

[12] Возможно, речь идет об этой публикации: Review «From the Caves and Jungles of Hindostan» by H.P.Blavatsky [Translated by Vera Johnston] // Lucifer, Vol. XI, November, 1892. P. 249–250 (Рецензия на книгу Е.П.Блаватской «Из пещер и дебрей Индостана» [перевод Веры Джонстон] // Lucifer, 1892, т. XI, ноябрь. С. 249–250).

[13] Из писем Веры Владимировны Джонстон (1884–1910) // https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html.

[14] Там же.

[15] В.П.Желиховская писала только на одной стороне листа, другая оставалась чистой или иногда использовалась для примечаний или кратких черновых записей.

[16] Эти вопросы приведены в примечаниях при данной публикации.

[17] Из писем Веры Владимировны Джонстон (1884–1910) // https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html.

В.В.Джонстон перевела на английский язык почти все фрагменты из писем Е.П.Блаватской из очерка В.П.Желиховской, которые и были опубликованы в журнале «Path» (декабрь 1894 – декабрь 1895). Из этих писем мы можем услышать живой голос Елены Петровны. Это самая важная и ценная часть очерка. К сожалению, философскую часть писем Блаватской («положительные знания в области космических наук») ее сестра за редким исключением не цитирует, а к примеру, просто сообщает: «Затем несколько страниц премудрости о Библии, о браминизме и буддизме и о злоупотреблениях западной католической церкви, которых незачем приводить».

Такова судьба рукописи «Радда-Бай – основательница Теософического общества», время публикации которой, наконец, настало.

Рукопись была выявлена в архиве Теософского общества в Адьяре в 2010 году украинскими исследователями Т.В.Головченко, Е.В.Аливанцевой и В.И.Мишиной. Руководитель архива предоставил им только ксерокопию подлинника, сделанную не качественно и не в полном объеме, что затруднило работу над ней. В 2019 году автор данной статьи смог получить электронную версию рукописи и ее дешифровать.

При публикации очерка максимально сохранены особенности авторского стиля и языка XIX столетия. В отдельных случаях составители посчитали необходимым текст привести к нормам современного русского языка, не оговаривая этого специально, например: придти – прийти, гарцовали – гарцевали, корридор – коридор, азиятский – азиатский, мущины – мужчины, лэди – леди, матерьялизм – материализм, италиянец – итальянец, маиор – майор, Кабала – Каббала, противупоставлять – противопоставлять, противуречие – противоречие, сериозный – серьезный, пьянистка – пианистка, привесть – привести, християнин – христианин, специялист – специалист, инфлуэнца – инфлюэнца и пр. Также в некоторых словах заглавная буква заменена на строчную и наоборот. Добавлены некоторые пропущенные и необходимые по смыслу слова, взятые в квадратные скобки []. Написание топонимов и антропонимов оставлено в редакции автора. В.П.Желиховская писала сразу набело, внося в рукопись многочисленные правки, которые отмечены в примечаниях.

Надо признать, что В.П.Желиховская не смогла вместить в себя всю величину и уникальность личности Е.П.Блаватской и не осознала в полной мере ни принципов теософии, ни значения теософского движения. Поэтому Вера Петровна в очерке уделила главное внимание второстепенным (и ей понятным) сторонам жизни сестры: привязанности к родным, любви к родине, трепетному отношению к православию и царской фамилии, проявлению психических сил, частым болезням, пребыванию в разных странах и т.п. Они, безусловно, присутствовали, но были не главными при тех грандиозных эволюционных задачах, поставленных Великими Учителями перед Еленой Петровной Блаватской – направить человечество к реализации идеи всемирного братства и сдвинуть сознание людей планеты с материалистических основ. Над решением этих задач она самоотверженно работала, не жалея ни сил, ни здоровья, ни времени.

«Подвиг ее был велик, – писала Е.П.Рерих о Е.П.Блаватской, – одинокая, всеми преследуемая, всеми и во всем подозреваемая, без средств, без знания языка прибыла она в Америку, чтобы явить миру прекраснейшее Сокровенное Учение, дать впервые религиозно-философский синтез всех веков и народов, создать международный Братский Союз, дать величайшее счастье знания о существовании Великих Хранителей и Водителей нашего человечества и пути к Ним. Кто не преклонится перед нею, принявшей на себя такой подвиг среди бездны невежественных отрицаний, подозрений и гонений? Истинно, она была мученицей за уявленное ею новое спасение человечеству в эпоху удушающего и разлагающего материализма. Но это мученичество сплело ей новый прекрасный ВЕНЕЦ. Пошлем ей наше восхищение, нашу признательность и нашу любовь»[18]. И еще: «Е[лена] П[етровна] Бл[аватская] была великой мученицей в полном значении этого слова. Зависть, клевета и преследования невежества *убили ее*, и труд ее остался незаконченным. Последний, заключительный том “Т[айной] Доктрины” не

[18] *Рерих Е.И.* Письма. В 9 т. Т. VII (1940–1947 гг.). М., 2007. С. 233–234.

состоялся. Так люди лишают себя самого Высшего. Я преклоняюсь перед великим духом и огненным сердцем нашей великой соотечественницы и знаю, что в будущей России имя ее будет поставлено на должную высоту почитания. Е[лена] П[етровна] Бл[аватская], истинно, наша национальная гордость. Великая Мученица за Свет и Истину. Вечная Слава ей!»[19]

А.Д.Тюриков

[19] *Рерих Е.И.* Письма. В 9 т. Т. II (1934). 2-е изд., испр. и доп. М., 2013. С. 368.